

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА В БОГОСЛОВСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ А.С. ХОМЯКОВА

Иосиф Трофимов

Даугавпилсский университет
Кафедра русской литературы и культуры

Начало драматической интриги в любого рода публицистической статье всегда лежит в общественной жизни, т.е. собственно за пределами ее текста. Но, вместе с тем, текст, ставший доступным даже для немногих, уже сам по себе представляет одну из форм проявления этой общественной жизни.

Не является исключением и богословская публицистика А.С. Хомякова. Речь пойдет о трех его брошюрах, написанных на французском языке и изданных за границей. Их общее название – «Несколько слов православного христианина о западных вероисповеданиях» с уточняющими подзаголовками: «По поводу брошюры г-на Лоранси» (1853); «По поводу одного окружного послания Парижского архиепископа» (1855); «По поводу разных сочинений Латинских и Протестантских о предметах веры» (1858). На русский язык они были переведены Ю. Самариным и Н. П. Гиляровым-Платоновым и изданы во 2-м томе Полного собрания сочинений в 1867 г. уже после смерти их автора.

Что явилось причиной появления этой своеобразной «трилогии»?

По инициативе императора Франции Наполеона III турецкое правительство отняло ключи от Вифлеемского храма у православных и отдало их католикам. С. Г. Пушкирев в книге «Россия 1801 – 1917: власть и общество», впервые изданной в Нью-Йорке в 1956 г. и используемой в качестве учебника американскими и канадскими вузами, так комментирует эту победу «латинян»: «Знаменитый “спор о ключах” при своей кажущейся незначительности был каплей, переполнившей чашу, ибо обладание Вифлеемской святыней имело в глазах Востока большое символическое значение. Потеря “ключей” существенно снизила престиж и влияние православия и его верховного покровителя – императора Николая I» (Пушкирев 2001, 208). Дальше события уже развивались по такому сценарию: в мае 1853 г. Россия вступила в Дунайские княжества. Турция попросила помощи у западных держав, в чем они не

могли отказать в силу обретения Вифлеемской святыни. Заручившись поддержкой Англии и Франции, Турция объявила войну России. В ноябре русская черноморская эскадра уничтожила турецкий флот в битве у Синопа. В марте 1854 г. Англия и Франция объявили России войну. В сентябре 1854 англо-франко-турецкая армия приступила к осаде Севастополя. После 11-ти месяцев обороны Севастополь в конце августа 1855 г. был сдан. В ноябре 1855 г. русскими была взята турецкая крепость Карс. По условиям Парижского мира союзники вернули России Севастополь, Россия вернула Турции Карс и пр.

Одним из первых в спор об историческом праве на ключи от Вифлеемского храма, хотя об этих ключах речь непосредственно и не шла, вступил Ф. И. Тютчев, который 1 января 1850 г. опубликовал анонимно в «Revue des Deux Mondes» статью «La Parauté et la Question Romaine au point de vue de Saint-Petersbourg» («Папство и римский вопрос с точки зрения Санкт-Петербурга»), вызвавшую волну полемических выступлений публицистов Запада (см.: Лэйн 1988, 231 – 252).

А.С. Хомяков, к этому времени почти ничего не знавший о Тютчеве и не во всем с ним согласный, приходит на помощь. В первой брошюре («По поводу брошюры г-на Лоранси») он замечает:

«В статье, напечатанной в «Revue des Deux Mondes» и писанной, как кажется, русским дипломатом, г. Тютчевым, указано было на главенство Рима и в особенности на смешение в лице епископа-государя интересов духовных с мирскими, как на главную причину, затрудняющую разрешение религиозного вопроса на Западе.

<...> Не стану ни заступаться за моего соотечественника, ни критиковать его. Единственная цель моя: оправдать Церковь от странных обвинений, возводимых на нее г. Лоранси, и потому я не переступлю пределов вопроса религиозного» (Хомяков 1995, 63).

Стоит ли говорить о том, что «не переступить пределов» Хомякову не удалось. Тем более после заявления парижского архиепископа о том, что война, в которую вступает Франция с Россией, «не есть война политическая, но война священная; не война государства с государством, народа с народом, но единственно война религиозная» (Хомяков 1995, 112).

Почти все полемические богословские сочинения Хомякова появились в печати на французском, английском и латинском языках, так как были обращены к европейским христианским вероисповеданиям (католикам и протестантам) в ответ на упреки с их стороны в адрес православия. Казалось бы, иерархами православия такая услуга светского лица должна была бы быть по достоинству оценена. Однако синодальными богословами сочинения были встречены более чем сдержанно, хотя известны и положительные отзывы, например, святителя Филарета, митрополита Московского.

С. Федоров это объясняет так:

«Мир светской культуры золотой пушкинской поры, осложненный у Хомякова изучением немецкого классического идеализма и творений Отцов Церкви в оригиналах, сталкивался с самодостаточным миром семинарско-академической схоластики, куда по социальным обстоятельствам – в силу отсутствия дворянского элемента

– слабо проникали общеевропейские идейные веяния» (Федоров 1995, 477).

Заметим здесь, что и это обстоятельство следует считать одной из причин поражения России в Крымской кампании. А не только отсутствие нарезных ружей и воровство интендантов.

Хомяков в споре с западными вероисповеданиями искал не унии и не компромисса. Его позиция исключала какую-либо двусмысленность:

«Сближение между нами возможно ли? – Кроме решительного отрицания, иного ответа нельзя дать на этот вопрос. Истина не допускает сделок» (Хомяков 1995, 89); «Церковь не знает сделок в догмате и вере. Она требует единства полного, не менее; зато она дает в обмен равенство полное; ибо знает равенство, но не знает подданства» (там же, 90).

Каковы побудительные мотивы обращения Хомякова к полемическому богословию? Оскорбленное чувство правды. Если подавляющее число духовенства, не искусенное в европейских языках, могло и пренебречь наветами, то достойно ли это просвещенного дворянства? Критический разбор брошюры г. Лоранси Хомяков начинает с рассуждения об этом:

«Когда взводится клевета на целую страну, частные лица, граждане этой страны, имеют несомненное право за нее заступиться; но столько же имеют они и права встретить клевету молчанием, предоставив времени оправдание их отечества. <...> Иное дело в области веры или Церкви. <...> Церковь ни одному из чад своих не разрешает молчания перед клеветою, против нее направленною и клонящеюся к извращению ее догматов или ее начала» (Хомяков 1995, 62).

Как тут не вспомнить слова А. И. Герцена о своем давнем, последовательном антагонисте и идейном противнике: «Необыкновенно даровитый человек, обладая страшной эрудицией, он, как средневековые рыцари, караулившие Богородицу, спал вооруженный» (Герцен 1956, 157).

О чем речь? За богословским спором очевидно просматривается «слишком человеческое», что позволяет рассматривать богословскую публицистику Хомякова и в эстетическом дискурсе. Хомяков в первую очередь художник, поэт, а потом уже «бретёр в диалектике». Да и оценка Герцена опять же слишком обнаруживает, выявляет страстную натуру художника, для которого образы, порожденные воображением – вторая реальность, не менее значительная, чем первая.

Остановимся на художественной стороне аргументации Хомякова. Это также значимо для мыслителя, у которого идея подчас органичнее укладывается в новеллу, сатирическую инвективу, лирическое отступление или же максимум. Арсенал подобного рода средств только в избранных текстах Хомякова достаточно богат.

Уже на уровне определений Хомяков строит систему конфликтов всей своей богословской полемики. По одну сторону – *живая, органическая* Церковь; по другую – *мертвая* буква закона романизма и протестантов, которая привела к тотальному неверию, явившемуся результатом совершенного «самоубийства», результатом того, «что присудило себя к смерти, вместе с тем как задумало быть религиозною монархией, а не живым организмом» (Хомяков 1995, 147).

Иначе, последовательное и неуклонное нисхождение, со ступеньки на ступеньку, с

высот жизнестроительства в долину смерти, от «живого света» в «печальный мрак».

В публичном споре во все времена ценились удачный образ, меткое сравнение и лаконизм. Все это составляет необходимые атрибуты максимы, мастером которого следует признать и Хомякова. Правда, здесь нельзя говорить о максиме как особом жанре, так как речь скорее идет об афористичности как свойстве публицистического стиля. Но удачные образные сочетания у Хомякова без труда извлекаются из текста, не теряя при этом ощущения своей завершенности. Даже более того, подобного рода маркировка в потоке речи концентрирует внимание читателя на мысли, заключающейся в максиме, активизируя творческий потенциал читателя. Несколько примеров:

«Протестантство заводит человека в пустыню, Романизм обносит его оградой, но здесь и там он остается одиноким» (Хомяков 1995, 128).

«Мы молимся не в духе страха, подобно рабам, не в духе корысти, подобно наемникам, но молимся в духе сыновней любви, будучи по благодати усыновлены Богу нашим единением с Сыном человеческим, Иисусом праведным, Сыном и вечным словом Отца щедрот» (там же: 130).

«...и молитвенный вздох, едва зачавшийся во глубине сокрушенного сердца, есть такое же дело, как и мученичество» (там же, 133).

Многие максимы Хомякова носят откровенно выраженный сатирический характер. Особенно ироничен Хомяков тогда, когда ведет речь о рационализме латинян, пытающихся устроиться в мире, используя технологии бюрократического государственно-го аппарата и банковского дела:

«Вооружаясь счетною книгою, составленною по правилам двойной бухгалтерии, с дебетом в виде греха и кредитом в виде добрых дел (подкрепленных, правда, жертвою Спасителя), человек вступает в тяжбу с Богом и в римском казуисте находит себе благоприятного судью. Перед ним он не проиграет своей тяжбы. Лишь бы оставался он гражданином церковного государства и послушным слугою своих командиров, он, за довольно умеренный взнос добрых дел и добрых помыслов, попадает в акционеры рая; затем излишек, если таковой у него окажется, он получит возможность обратить для себя в движимый капиталец, который останется в полном его распоряжении; а если окажется недочет, можно будет покрыть его займом у более богатых капиталистов. Был бы только верен баланс – Бог не придерется» (Хомяков 1995, 131 – 132).

Но было бы несправедливо думать, что Хомяков видит зло только со стороны своих противников. Вторая брошюра «По поводу одного окружного послания...» завершается глубоко прочувствованным признанием укоренившегося в русском народе греха:

«Знаю, что наши слова встречены будут сильными предубеждениями, не смею даже назвать их несправедливыми, знаю, что каковы бы ни были ваши заблуждения, вы все-таки были бы вправе закидать нас упреками. Знаю, что вы могли бы спросить: где у нас те плоды, которыми должно знаменоваться присутствие истины в народах, ее хранящих, знаю, что этих плодов требует от нас признательность и что неблагодарность наша их не дает. Не станем оправдываться, не будем говорить ни о пережитых нами исторических борьбах и страданиях, ни о примеси лжи в том просвещении нашем, которое более ста лет мы почерпаем из поврежденных источников. Все это нас не оправдывает. Каковы бы ни были ваши обвинения, мы признаем их справедливыми; в каких бы пороках вы нас ни упрекали, мы сознаемся в них, сознаемся

смирению, с сокрушением, с горестью» (Хомяков 1995, 161).

Особого внимания заслуживают в богословской публицистике Хомякова вставки новеллистической структуры. Так, например, объясняя сущность разрыва единого тела Церкви, совершившегося в VIII – IX веках, Хомяков создает яркую историческую картину, обращаясь не столько к логике, сколько к воображению своих читателей:

«Перенесемся теперь в последние годы восьмого или начало девятого века и представим себе странника, пришедшего с Востока в один из городов Италии или Франции. Проникнутый сознанием этого древнего единства, вполне уверенный, что он находится в среде братьев, входит он в храм, чтоб освятить последний день седмицы. Сосредоточенный в благоговейных помыслах и полный любви, он следит за богослужением и вслушивается в дивные молитвы, с раннего детства радовавшие его сердце. До него доходят слова: “возлюбим друг друга, да единомыслием исповема Отца и Сына и Св. Духа”. Он прислушивается. Вот возглашается в Церкви символ веры христианской и католической, тот символ, которому всякий христианин обязан служить всю жизнь и за который, при случае, обязан жертвовать жизнью. Он прислушивается. – Да это символ испорченный, какой-то новый, неизвестный символ! Наяву ли он это слышит, и не нашло ли на него тяжелое сновидение? Он не доверяет слуху, начинает сомневаться в своих чувствах. Он осведомляется, просит пояснений. Ему приходит на ум: не забрел ли он в собор раскольников, отвергнутых местною Церковью... Увы, нет! Он слышал голос самой местной Церкви. Целый патриархат, и самый обширный, целый мир, отпал от единства...» (Хомяков 1995, 74).

Напряжение конфликта, напряжение душевного переживания героя передается

повторением, даже тавтологией глагольных форм: «Он прислушивается»; «Он прислушивается»; «Он не доверяет слуху»; «начинает сомневаться»; «он осведомляется»; «просит пояснений»; «Ему приходит на ум»; «Сокрушенный странник сетует». Что противопоставляется столь бурно проявляющимся чувствам? – Сухо, бесчеловечно, механистично: «Вот возглашается»; «его утешают»; «говорят ему». И последний смертельный удар с такой же жестокой методичностью: «разрыв совершился». Диалог, который далее воспроизводит Хомяков, никак нельзя назвать ни философским, ни богословским. Это диалог драматический, в котором одну сторону представляет характер честный, прямодушный, тонко переживающий Богооткровение, и другую – характер лукавый, увливающий от прямо поставленных вопросов. Да это и не диалог в прямом значении слова, так как диалог предполагает хотя бы какое-то понимание.

Сокрушенный странник сетует; его утешают:

«“Мы ведь прибавили самую малость”, говорят ему, как и теперь твердят нам латиняне. – “Если малость, то к чему было прибавлять?” – “Да это вопрос чисто отвлеченного свойства”. – “Почему же знаете вы, что вы его поняли?” – “Да это наше местное предание”. – “Как же могло оно найти место в символе вселенском, вопреки положительному определению вселенского собора, воспретившего всякое изменение в символе?” – “Да это предание общецерковное, которого смысл мы выразили, руководствуясь местным мнением”. – “Однако такого предания мы не знаем; да и во всяком случае каким образом местное предание могло найти место в символе вселенском? Не всей ли Церкви, в ее совокупности, дано разумение Божественных истин? Или мы

чем-нибудь заслужили отлучения от Церкви? Вы не только не думали обратиться к нам за советом, вы даже не взяли на себя заботы предупредить нас. Или мы уж так низко упали? Однако не более одного века тому назад Восток произвел величайшего из христианских поэтов и, может быть, славнейшего из богословов, Дамаскина. Да и теперь между нами насчитываются исповедники, мученики веры, ученые философы, исполненные разума Христианства, подвижники, которых вся жизнь есть непрерывная молитва. За что же вы нас отвергли?» Но что бы ни говорил бедный странник, а дело было сделано: разрыв совершился. *Самым действием своим (то есть самовольным изменением Символа) римский мир подразумевательно заявил, что в его глазах весь Восток был не более как мир илотов в делах веры и учения. Церковная жизнь кончилась для целой половины Церкви»* (Хомяков 1995, 74 – 75).

Пустое и циничное жонглирование словами, за которыми – грубое пренебрежение интересами всей Церкви, которой только «в ее совокупности дано разумение Божественных истин», обрывается твердым и последовательным: «Однако такого предания мы не знаем». Заключение, выделенное курсивом, уже вне повествовательной структуры. В словах этих – вывод, сформулированный Хомяковым. Вывод, на который можно ответить только двояко: а) или добиваться вселенского признания новой редакции Символа; б) или публично заявить: никакие вы не братья нам во Христе, а илоты. С чем, естественно, так называемые «илоты» никогда не согласятся.

Вывод Хомякова носит не столько богословский, сколько нравственный, этический характер. Хотя, если помыслить здраво, едва ли возможно *безнравственное* богословие. И едва ли богословие, поставившее своей

целью оскорбление и унижение своих братьев по вере, может претендовать на полноту истины.

Бесчувственность и нравственную глухоту оппонентов (суть проблемы богословского «спора» оставим в стороне) странник Востока пытается растопить каскадом риторических вопросов. Однако вопросы, обращения, апелляции к здравому смыслу и общему Церковному преданию уже не смогли ни в чем изменить положение. Драматический диалог в исторической перспективе стал поистине неразрешимым – трагическим.

Упреки Ф. М. Достоевского в адрес западным вероисповеданиям и в первую очередь почитающим папу, высказанные в поэме Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе, хорошо известны. Они вызвали волну философской полемики как в русской, так и в зарубежной печати. Значительно меньше известна критика папизма в сочинениях Хомякова. А по своей объективности и выразительности в сочетании с лаконизмом сконцентрированной мысли и воли она не менее значительна. Стоит только вслушаться в сдержанную речь Хомякова, хотя эта речь готова в любой момент прорваться гневной инвективой. В ритме сочетающихся слов виден воин, раз за разом без усталости наносит удары, теснящий врага, не дающий ему ни времени, ни пространства для концентрации ответного удара.

Образ поединка, борьбы совсем не случаен в характеристике стиля Хомякова. Рисуя отношения папистов и протестантов, Хомяков обращается к категориям и понятиям едва ли не военного противостояния:

«...борьба, с большим или меньшим жаром продолжающаяся более трех столетий, эта борьба, в которой воюющие стороны не всегда ограничивались орудием слова, а прибегали нередко и к другим средствам, менее открытым и менее сообразными с духом Христианства, далеко еще не подходит к своему исходу, несмотря на то, что в ней уже *истоцились нравственные силы воюющих*» (Хомяков 1995, 93. Курсив мой. – И.Т.).

Степень персонификации в данном случае столь велика, что противоборство характеров и их внутренние противоречия предстают с исключительной образной осязательностью во всем богатстве психологических тонов. При этом, заметим, указание на «занимательный» и «поучительный» характер этой борьбы совершенно естественно выводит ее за скобки собственно борьбы богословской, где главным, если только не единственным, критерием является истинность.

Чем было православие для А. С. Хомякова? Прежде всего – правой верой, правдой, истиной, пришедшей из глубин веков. Правда эта состояла в верности церковному преданию. В верности букве закона, в

верности правилам жития в мире. И Хомяков понимал: если православие хочет остаться правой верой, каждый, исповедующий догматы первых семи Вселенских соборов, должен строго соответствовать утвержденному идеалу. Редко кто в начале XIX столетия с такой отчетливостью как Хомяков понимал, что сила отдельно взятого человека, отдельно взятой семьи, отдельно взятого государства не столько в физической мощи мышц или оружия, которое служит, собственно, продолжением и совершенствованием тех же мышц, сколько в совершенстве и крепости духа. А крепость духа – в добровольном единстве, соборности всех в едином духовном организме – Церкви.

Заслуга Хомякова в истории русской культуры состоит в том, что дело Церкви он воспринял как личное, даже более того, – интимное, частное дело, оставаясь при этом светским, общественным человеком. И ее торжество он принимал как свое, и обиды, наносимые ей, были его личными обидами, требовавшими немедленной реакции.

ЛИТЕРАТУРА

Хомяков 1995 – Хомяков А. С., *Сочинения богословские*, С.-Петербург, 1995.

Герцен 1956 – Герцен А. И., *Собр. соч.*, Москва, 1956, Т. 5.

Лэйн 1988 – Лэйн Р., «Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840 – начала 1850-х годов», *Литературное*

наследство: Федор Иванович Тютчев, Москва, 1988, Кн. 1.

Пушкарев 2001 – Пушкарев С. Г., *Россия 1801 – 1917: власть и общество*, Москва, 2001.

Федоров 1995 – Федоров С., «Проповедь А. С. Хомякова в “сумерках священного”», *А. С. Хомяков, Богословские сочинения*, С.-Петербург, 1995.

A.S. CHOMIAKOVĀ TEOLĒGINĒS PUBLICISTIKAS DRAMATINĒ INTRIGA

Josifs Trofimovs

Santrauka

Straipsnyje nagrinėjami kai kurie meninio teksto elementai A.S. Chomiakovo teologiniuose publicistiniuose darbuose bendru pavadinimu „Keletas krikščionio stačiatikio žodžių apie Vakarų tikybos išpažinimus“, anonimiškai prancūzų kalba paskelbtuose 1853–1858 m. Daug amžių trukusi Rytų (sta-

čiatikybės), Vakarų (pagal Chomiakovą – „romanizmo“, „papizmo“) ir Protestantizmo priešpriešos istorija pateikiama šio rusų publicisto tekstuose personifikuotai. Straipsnyje analizuojama išryškėjusi dramatinė kolizija, išreikšta maksimose ir įterptinėse pasakojimo struktūrose.

DRAMATIK INTRIGUE IN A. S. KHOMIAKOV THEOLOGIAN PUBLICISM

Joseph Trofimov

Summary

Some artistic elements of A.S.Khomiakov theologian publicism there have been considered by the author (Pamphlet series “Some words of a orthodox christian on western faith”), published anonymously in french in 1853 – 1858). The long ayes history of the East Church (ortodoxy) and West Church (according Kho-

miakov – “romanism”, “papism”), their spiritual countervail to protestantism has been given by the russian publicism in personified wau. This skarpens the dramatism of the collision whick is emphasised in the aphrims and in the included narrative structures.

Получено: 2005, октябрь
Принято: 2006, июль

Адрес автора:
Daugavpils universitāte
Humanitārā fakultāte
Krievu literatūras un kultūras katedra
Venības ielā 13
LV-5400 Daugavpils
Latvija
E-mail: ivetrof@dau.lv